

■ на окраине

перелистывающая дневник Баха

концерт Алексея Любимова
в «Оркестрионе»

Илья Овчинников

Сегодня классику можно послушать не только в центре столицы, но и в Новых Черемушках, где два месяца назад стартовал проект «Музыкальные среды в «Оркестрионе». Очередной вечер цикла был посвящен музыке XVIII века, необычный взгляд на которую предложил пианист Алексей Любимов.

Высокую планку еженедельного цикла «Музыкальные среды» задал уже первый вечер с участием Михаила Плетнева и солистов Российского национального оркестра. Не менее примечательной стала программа Алексея Любимова «Фантазия как театр души», представившая музыку Моцарта и его современников в звучании, близком к аутентичному. Досадно, что на данный момент заполняемость «Оркестриона» определяется в первую очередь географическим положением зала: жители Юго-Запада едва ли привыкли к классическим концертам в своем районе, а опытные меломаны предпочитают проверенные залы в центре. Между тем компактный формат концерта-лекции, предложенный Любимовым, мог бы оказаться оптимальным именно для этой площадки.

Программа длиною в неполные полтора часа — щадящий вариант для тех, кому предстоит долгий обратный путь. Тем же из местных жителей, кто пришел лишь потому, что зал оказался рядом с домом (а такие присутствовали), должны быть особенно интересны комментарии Любимова к исполняемым сочинениям. На сей раз Любимов рассказывал о молоточковом клавире — инструменте, ставшем промежуточной ступенью между клавесином и современным фортепиано. По словам пианиста, исполнение музыки XVIII столетия на молоточковом клавире открывает в ней новые, неожиданные нюансы и представляет ее практически в первоизданном виде. Инструмент, на котором играл Любимов, построен в наше время на основе моделей XVIII века; по первому впечатлению его звук напоминает нечто среднее между клавесином и пианино, однако со временем странный тембр становится привычным, обнаруживая особую выразительность.

Основу программы составили четыре фантазии; как пояснил

Алексей Борисович, подобная форма не ограничивала композиторов, побуждая их к свободной, интимной форме высказывания. Фантазию как таковую Любимов сравнил с личным дневником, не предназначенным для печати. В наибольшей степени этому определению соответствовала Фантазия Карла Филиппа Эмануэля Баха с ее новаторской для своего времени структурой. Первые ноты сочинения звучали в нехарактерном для 80-х годов XVIII века романтическом ключе, напоминая как Бетховена, так и более поздних романтиков. Автор, и вслед за ним исполнитель, как будто занялись исследованием возможностей инструмента, время от времени возвращаясь к исходной теме; музыка лилась настолько свободно, что напоминала импровизацию. Совсем иной характер носила Фантазия Гайдна, основанная на немецкой народной песне, — изящная, полная юмора шутка гения.

Бах и Гайдн исполнялись в обрамлении двух Фантазий Моцарта. Первая из них поразила тем, до какой степени может взять за душу звук молоточкового клавиря, казавшийся сперва суховатым и бедным оттенком по сравнению с современным фортепиано. Вторая обратила внимание на то, какую законченность и цельность обретает у Моцарта даже такая свободная форма, как фантазия. Программу завершил Тринадцатый концерт Моцарта в авторской версии для клавиря и струнного квартета; на помощь Любимову пришли артисты ансамбля «Золотой век», специализирующегося на аутентичном исполнительстве. Самое сильное впечатление, однако, произвела та часть программы, когда пианист был на сцене один. Даже настройкой инструмента он занимался столь артистично и музыкально, что ее можно было принять за один из номеров программы — Фантазию Алексея Любимова.

Концерт Моцарта в исполнении Алексея Любимова прозвучал непривычно — с квинтетом вместо оркестра, на молоточковом клавире вместо фортепиано
Фотограф: Владимир Афанасьев/Газета